

Н. Антонов

«...Зато работаю в тралфлоте!»

«Я весь в мазуте, весь в тавоте, зато работаю в тралфлоте!». Кому из моряков Архангельского, Мурманского, да и других рыбопромысловых флотов, не известны эти лихие, ставшие теперь крылатыми поэтические строчки? Многие даже не знают, что автором их был поэт Николай Рубцов, в юности недолгое время — всего год — работавший кочегаром на судах Архангельского тралового флота. Быть моряком, хлебнуть соленого ветра дальних странствий Николай мечтал еще в детстве. И вот, окончив школу, а затем, проучившись два года в лесотехническом техникуме, он едет в Ригу и пытается поступить на судно, все равно кем. Но там ему это не удалось. Зато в Архангельске суждено будет сбыться его романтической детской мечте:

Тралфлотовец Н. Рубцов

Никем по свету не гонимый,
Я в этот порт явился сам
В своей любви необъяснимой
К полночным северным судам.

(«Старпомы ждут...»)

Морской службе посвящены его знаменитое «Я весь в мазуте...», «Старпомы ждут своих матросов», «Хороший улов», «В океане», «Летел приказ» и другие стихотворения.

Еще в-первые дни работы в газете «Рыбак Севера» я попытался узнать какие-то подробности жизни поэта того периода, найти неизвестные стихи, людей, помнящих Рубцова по тралфлоту.

Вскоре я познакомился с А. П. Шильниковым, бывшим капитаном, ушедшим на заслуженный отдых. Алексей Павлович осторожно перебирает пожелтевшие от времени газетные вырезки.

— О работе моего экипажа РТ-20 «Архангельск» — объясняет он. — На этом-то тральщике — я капитаном на нем ходил — судьба и свела меня с Колей Рубцовым. Я запомнил его. Ростом самый низкий в команде, волосы светлые... Помню, боцман наш Голубин робу ему выдал. Так он буквально утонул в ней. Тут кто-то из наших жен, из Архангельска прилетевших, подогнал её наскоро, да недолго он проносил эту робу. Приходит однажды, заявление на увольнение приносит.

— Что, — спрашиваю, — Коля, не нравится у нас?

— Нет, — говорит, — нравится, а только я учиться решил на механика.

— Правильно, — говорю, — решил. Специальность хорошая. Подписал я ему заявление и с тех пор с ним не встречался. Тут как-то гляжу, фильм по телевизору показывают про него. Я его сразу узнал. Ребятам рассказываю: «Помните, у нас угольщиком парень работал, маленький такой. Большим он писателем стал — фильмы про него показывают».

Напоследок Алексей Павлович посоветовал мне поискать в тралфлотовском архиве, что я и сделал.

И вот оно, это заявление, написанное на четвертинке пожелтевшего тетрадного листа в косую линейку.

«Капитану РТ-20 «Архангельск» т. Шильникову от кочегара Н. М. Рубцова.

Заявление.

Прошу вашего разрешения на выдачу мне управлением тралфлота расчета ввиду поступления на учёбу.

Н. Рубцов

22/VII-53 г.».

Но кроме этого заявления нашел я в пухлом архивном томе и другой его автограф — автобиографию:

«Я, Рубцов Н. М., родился в 1936 г. в Архангельской области в с. Емецк. В 1940 году переехал вместе с семьёй в Вологду, где нас и застала война.

Отец ушёл на фронт и погиб в том же 1941 году. Вскоре умерла мать, и я был направлен в Никольский д/д (детский дом) Тотемского района Вологодской области, где кончил семь классов Никольской НСШ в 1950 г.

В том же 1950 году я поступил в Тотемский лесотехнический техникум, где окончил 2 курса, но больше не стал учиться и ушел.

Подал заявление в тралфлот.

Н. Рубцов.

12/IX-52 г.».

Была в деле и маленькая мутноватая фотография. На снимке светлорусый мальчик с печальными глазами. Серый помятый пиджачок и, должно быть, пережившая не одну стирку беленькая рубашка...

И последняя запись в личной карточке: «27/VII-53 г. уволен на учебу».

Есть в объединении «Архангельскрыбпром» музей боевой и трудовой славы. Сотрудники его сделали немало для увековечения памяти прославленных ветеранов флота. Полагаю, что должно найтись там место и для бывшего угольщика РТ-20 — большого русского поэта Николая Рубцова...

Статья была опубликована в одной из Архангельских газет.

Название газеты не установлено.

Н. П. Юшкин

«Звезда полей во мгле заледенелой...»

Он мог бы стать маркшейдером,
но стал великим поэтом

Мир тесен, и в нем постоянно сходятся надолго или накоротко жизненные тропы многих людей, соприкасаются разные судьбы. Для меня случайным житейским совпадением были полтора года — с сен-

тября 1953-го по январь 1955 года — совместной учебы с будущим великим российским поэтом Николаем Рубцовым в Кировском горно-химическом техникуме в Хибинских горах на Кольском полуострове.

Мы учились на разных курсах и по разным специальностям, были лишь отдаленно знакомы, изредка общались благодаря сокурсникам или сокурсницам... Но я его хорошо запомнил, поскольку был он парнем компанейским и жизненно опытным, пришел в техникум с тралового флота, да и выделялся среди нас снежно-белым кашне при черной форменной шинели.

В нашем техникуме почти каждый студент что-то рифмовал. Стихами заполняли многочисленные стенгазеты, их публиковали в городской газете, читали на вечерах со сцены, но о рубцовских поэтических опытах мало кто знал. Впоследствии лишь сосед по общежитию Е. Ивановский вспомнил, что стихи Коля писал на уроках и что перед отъездом из Кировска показал друзьям исписанную тетрадь. Сокурс-

ники больше запомнили его увлечение резьбой по дереву и задушевные песни под гармошку.

Тем не менее, именно Николай Рубцов вошел в литературу ярко и мощно во второй половине шестидесятых годов публикацией своих стихов в журналах «Юность», «Октябрь» и других изданиях. Его поэтический талант заявил о себе сразу.

Поэзия — это что-то вроде чувства красоты и запаха цветов. С первых прочитанных стихов было очевидно, что Николай Рубцов — поэт особенный и неповторимый. Меня взяло за живое его удивительно емкое четверостишие «О Пушкине»:

Словно зеркало русской стихии,
Отстоял назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее...

Эти строки в полной мере можно отнести к творчеству и судьбе самого Николая Рубцова.

Впервые фотографии поэта я увидел лишь в посмертных изданиях. Простой, жизнерадостный, а то и грустноватый Рубцов показался мне очень знакомым. И только прочитав где-то, что он недолго учился в Кировском техникуме, я узнал его: да это же наш Коля Рубцов с маркшейдерского отделения! Потом я расспрашивал о техникумовских годах Рубцова еще помнивших его преподавателей, сокурсников и соругруппников.

В декабре прошлого года минуло полвека со дня получения мною диплома горного техника-геологоразведчика. Будучи в это время в Апатитах, в Кольском научном центре РАН, я просто не мог не съездить в Кировск, чтобы выразить глубокую признательность замечательному, так я считаю, техникуму, давшему мне и многим моим друзьям путевку в жизнь. После беглого осмотра учебных корпусов и лабораторий теперь уже технического колледжа я зашел в музей. Его возглавляет М. А. Салтан. А в годы нашей юности она — Рита Стенковенко — училась на том же маркшейдеротделении, что и Рубцов, правда, куда позже. По моей просьбе она подобрала все, какие нашлись, архивные материалы об учебе и жизни будущего поэта в Кировске.

Их оказалось немного. Не сохранились личное дело и снимки Н. Рубцова. Наверное, ближе всего его техникумовский облик воссоздает снимок Николая в морской форме из собрания А. Пантелеева, вынесенный на обложку замечательной книги Николая Коняева

«Николай Рубцов». Фотография того времени, когда он писал: «Я весь в мазуте, весь в тавоте, зато работаю в тралфлоте...»

Первые сведения о Рубцове нашлись в приказе № 218 по Кировскому горно-химическому техникуму от 25 августа 1953 года. Его фамилия — двадцатая в списке среди 31-го сдавшего экзамены, прошедшего по конкурсу и зачисленного на маркшейдерское отделение. Я пришел в техникум годом раньше — в трудном 1953-м — с мечтой о геологической специальности, с уверенностью в единственно правильном выборе пути. А что привело в него Колю Рубцова, трудно сказать. Может быть, прав Н. Коняев, вспомнивший его стремление к перемене мест: «Я везде попихаюсь». То есть, похожу, посмотрю, поищу себя и свой путь в жизни. Нельзя однозначно заключить — сам ли он выбрал или ему навязали совершенно не соответствующую его романтической и поэтической натуре измерительно-техническую специальность маркшейдера. Ту, которая требует скрупулезности, основательных математических знаний, умения работать с приборами, вести сложные расчеты, хорошо чертить и много чего другого, ему не присущего.

Просматриваю зачетные ведомости по маркшейдерской специальности. Чувствуется, что Рубцов присматривается, что и как ему преподают. Оценки за первый курс хоть и неблестящие, но и неплохие. По русскому языку — твердые четверки, письменный экзамен — «хорошо», устный — «отлично». То же и по истории, по геологии. А вот по математике, физике, химии, черчению — тройки с редкими четверками. Последний зачет по иностранному языку сдан на пятерку. Дисциплина — не выше четверки, за вторую четверть — тройка.

Снижение оценок по дисциплине — это мягкое наказание. Рубцов вообще мог бы с треском «вылететь» из техникума. Об этом недвусмысленно свидетельствуют выдержки из протокола заседания педсовета от 30 марта 1954 года. Неудобному, как бы мы сегодня сказали, студенту высказаны претензии: плохо ведет себя, пропускает занятия по неуважительным причинам, грубит и подает реплики с места, испортил чертежную доску (может быть, стихи на ней написал!) и другие.

Мнения педагогов разделились. «Рубцов — трудный учащийся, но он может исправиться», — мнение М. И. Лагуновой, молодого классного руководителя. Она только что окончила вуз, вела русский язык и литературу, несомненно, чувствовала талант и творческую избранность Рубцова. Вообще умела находить общий язык со студентами. Одно-

курсница Е. Савкина вспомнила, что позже — после ухода из техникума — Рубцов с Лагуновой переписывался. Так же, как классный руководитель, думала Лилия Алексеевна Перекрест: «... его можно исправить». Удивительная женщина, она нас заразила любовью к минералогии, благодарные ученики даже назвали ее именем вновь открытый минерал перлиалит... «У Рубцова нелегко сложилась жизнь. К нему требуется особый подход», — высказалась К. С. Ивинская. Педагогически мудро вел и закончил заседание директор техникума Антон Евдокимович Глушенко. Внешне строгий и бескомпромиссный, он многим помог в трудных ситуациях.

Несмотря на неурядицы, первый курс техникума был успешно преодолен. Н. Рубцову, как и другим учащимся, приказом от 1 июля 1954 года был предоставлен «...отпуск на период каникул с 1 июля по 31 августа...с выплатой стипендии». Н. Коняев рассказал, как провел его Николай. Он съездил на родину, встретился в Тотьме с первой своей любовью Таней Решетовой...

Может, именно встреча с Вологодчиной, с любимой девушкой навеяли ему трепетные стихи, отмеченные печатью высокого чувства и мастерства:

Ветер под окошками, тихий, как мечтание,
А за огородами, в сумерках полей
Крики перепелок, ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней...

К табуны с уздечкою выбегу из мрака я,
Самого горячего выберу коня,
И по травам скошенным, удилами звякая,
Конь в село соседское понесет меня...

(«Деревенские ночи»)

Ну что же, образно говоря, Николай выбрал «самого горячего коня» и почему-то помчался не на радость свидания, с девушкой простой, а в Ташкент.

Да и не столько в Ташкент, сколько на один из рудников, куда посылали на практику учащихся техникума. Есть у него в одном из стихов строка, что жизнь его носила «...и по рынкам знойного Чор-су». Скорее всего, речь идет о серном руднике Шор-су в Ферганской области, в предгорьях Алайского хребта. Там всегда было много наших студентов и выпускников. Наверное, именно там и пришло к Рубцову понимание: специальность маркшейдера — не по нему... О той поездке у него осталось довольно мрачное стихотворение:

Да, умру я!
И что ж такого?
Хоть сейчас из нагана в лоб!
Может быть,
гробовщик толковый
смастерит мне хороший гроб...

.....
И останется все,
как было —
на Земле, не для всех родной...
Будет так же
светить Светило
на заплыванный шар земной!

(«Да, умру я!»)

После каникул Николай Рубцов не стал учиться лучше. В ведомостях успеваемости за второй курс у него пятерки по истории, самозащите и военно-физической подготовке, четверки по русскому языку и литературе, по другим предметам — тройки, а то и двойки. Между тройками и четверками колеблется дисциплина.

Замечу, что летом 1954 года было закончено строительство пятиэтажного общежития с паровым отоплением на улице Хибиногорской. Коля Рубцов переселился в него из «сборнощелевого» барака по улице 30-летия ВЛКСМ. Жил в одной комнате с Е. Ивановским, ставшим впоследствии главным маркшейдером объединения «Апатит». Дружил с горняком Николаем Рыжковым и своим согруппником Николаем Шантаренковым. Вообще был человеком общительным, везде желанным гостем. Это обстоятельство и довершило вполне осознанный курс Рубцова на отчисление из техникума. В новом общежитии строго следили за порядком. Нарушений не прощали. 23 октября второкурсники Мезенцев, Алексеев, Телов, Рубцов собрались проводить товарищей в армию: «...устроили коллективную выпивку, учинили шум, нетактично вели себя с комендантом...» Всем четверым объявили по выговору, кое-кого решено было не заносить на Доску почета...

24 января судьба студента Рубцова решилась окончательно и бесповоротно. Педсовет выслушал информацию о том, что у него двойки по черчению, геодезии, математике, что «если он останется, то учиться всё равно не будет», и попросил директора исключить его. Приказом от 25 января Николай Рубцов и еще девять учащихся, получивших плохие оценки по трем и более предметам, были исключены.

Предчувствуя такой поворот событий, Николай посвятил своему другу Николаю Шантаренкову, с которым они «...жили весело и дружно, деля последний, может быть, пятак...», «Прощальные стихи»:

Зима глухая бродит по дорогам,
И выюга злая жалобно скулит...
Я ухожу до времени и срока,
Как мне судьба постылая велит...

(«Прощальные стихи»)

Он «пересел на нового коня», уехал в Мурманск, затем — в Ленинград, где успел поработать слесарем-сборщиком на испытательном артиллерийском полигоне в Приютино... Потом вернулся в Мурманск, где с рыбацкого судна был призван на Северный флот. Четыре года (1955—1959) службы помогли ему повзрослеть и сформироваться как большому поэту.

Конечно, Николай Рубцов, как всякий из нас, оступался в житейские лужи, «до времени и срока» ушел из жизни. Но он не пассажиром плавал в суровых морях, которые осознал своими. Он видел и умел простыми словами передать их строгость и ласку, мощь и красоту:

Эх ты, море моё штормовое,
Как увижу я волны вокруг,
В сердце что-то проснется такое,
Что словами не выразишь вдруг.
Больно мне, если слышится рядом
Слабый плач

перепуганных птиц.

Но люблю я горящие
взгляды,
Озаренность взволнованных лиц.
Я труду научился на флоте,
И теперь на любом берегу
Без большого размаха

в работе

Я, наверное, жить не смогу...

(«Моё море»)

«Никем по свету не гонимый», поэт не мог успокоиться. Он стремился «везде попихаться», перемещался во времени и пространстве, жил чувствами. Он не мог по-другому — иначе бы не был поэт.

И где бы ни маялась, ни металась в поисках своего слова и образа души, Николая Рубцова «во мгле заледенелой» вела звезда полей:

...Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей ...

(«Звезда полей»)

Красный Север. — Вологда. — 2006. — 9 февр.

М. А. Салтан

Рубцов в Ташкенте

Много написано статей, книг о жизни и творчестве Н. М. Рубцова и, кажется, что еще можно написать, добавить?

Мне не дает покоя факт из жизни Николая: факт — был ли Рубцов в Ташкенте или это выдумка Николая Красильникова, — московского журналиста, как утверждает Александр Быков в своей книге «И золотое имя Таня... Повесть о первой любви поэта Николая Рубцова»

(Быков, 2009), «...И тем не менее в этой статье все факты о Рубцове выдуманы от начала до конца».

А. Быков ссылается на статью Николая Красильникова, опубликованную в газете «Русский Север» от 23 мая 2007 года под названием «Жизнь меня по Северу носила и по рынкам знойного Чор-су!», названная первой строчкой из стихотворения Рубцова «Желание» (1960). В этой статье Красильников приводит рассказ узбекского писателя и поэта Сайяра (Сайярпулата Файзуллаева) о Ташкентской эпопее Николая Рубцова.

Прочитав эту статью, которая как-то случайно попала мне, у меня не возникло сомнений в правдивости фактов, что Рубцов действительно был в Ташкенте. Стихотворение «Да, умру я!» и дата — 1954 год. Ташкент только подтверждение этому. Но вот на конференции в г. Тотьме в 2011 году я купила книгу Александра Быкова: «И золотое имя Таня... Повесть о первой любви поэта Николая Рубцова». Залпом её прочитала. В заключение книги автор пишет: «...Во всем, что касается Рубцова, существует какая-то мистика». С этим я согласна. Разве не мистика: я училась с Рубцовым в одно время в Кировском горном техникуме и даже на том же отделении — маркшейдерском, но курсом ниже, и в конце декабря случайно прочитала у своей подруги Людмилы Плахиной стихотворение, аккуратно написанное карандашом на листке из тетради в клетку: «Я долго буду гнать велосипед...» Оно поразило меня своей красотой и запомнилось. Запомнилось еще потому, что было созвучно моему душевному состоянию в то время. Это стихотворение Николай дал Людмиле на уроке (Людмила училась в группе с Рубцовым с 8 сентября до 3 декабря 1954 года). 3 декабря она была переведена в нашу группу и стала моей подругой. Тогда же в конце декабря 1954 года стихотворение попало мне на глаза. Мистика, что я, окончив в 1958 году наш техникум, снова вернулась туда в 2002 году, правда, уже в другое здание и в качестве администратора комнаты истории Хибинского технического колледжа — филиала горного университета Санкт-Петербурга (так теперь называется Кировский горно-химический техникум). По долгу службы вплотную занимаюсь изучением истории техникума, в том числе изучением жизни и творчества Николая Рубцова. Возможно и это мистика: статья и книга попались мне случайно, и я должна написать свои доводы по вопросу Ташкентского периода в жизни Николая.

В книге Александра Быкова читаю, что Николай не был в августе в Ташкенте. И в статье, о которой я уже упоминала и на которую тоже

Татьяна ссылалась, по словам Быкова: «...все это выдумка с начала и до конца». Татьяна возмутилась на это. И я возмутилась.

Я постараюсь доказать, что факты, изложенные в статье, достоверны: Николай был в городе Ташкенте в июле 1954 года. Александр прав только в одном — Николая в августе в Ташкенте не было, он покинул его в начале августа.

Татьяна в своих воспоминаниях утверждает, что в самом разгаре выпускного вечера неожиданно появился Николай с букетом цветов, чтобы поздравить ее с окончанием техникума. В этот же вечер ночным парходом (00ч. 30мин.) Николай уезжает из Тотьмы. Это было 1 июля. Куда? Зачем? В воспоминаниях Татьяны об этом ничего не сказано. Ведь Николай любил Татьяну и стремился успеть на выпускной бал. Так почему же он уезжает, не оставшись даже до конца вечера? Наверное, была важная причина.

Николай в конце июня успешно заканчивает первый курс, начинают каникулы. Получив стипендию за июль и август, он спешит к Татьяне. Спешит и дальше: уехать в Ташкент, где когда-то побывал Есенин. Все, что связано с Есениным, очень интересовало Рубцова.

Из книги «И золотое имя Таня...» стр. 38: «...Пароход на Вологду отправлялся в половине первого ночи. Пора было прощаться. Николай ступил на трап. Татьяна осталась на берегу....

...Николай прокричал: “Слушай! Я уезжаю, мучит тайна...”».

Не Есенинская ли тайна погнала его увидеть своими глазами Ташкент, прочувствовать атмосферу Средней Азии.

Почему спешил? Почему в июле? В Кировском горном техникуме студенты направлялись на производственную практику в разные концы Советского Союза, в том числе и в Узбекистан, на серный рудник Шор-су, Кокандский район — это под Ташкентом. В 1954 году, с 17 июня по 28 июля, туда на серный рудник Шор-су были направлены два маркшейдера с третьего курса: И. Н. Соцков и Л. А. Думин.

Соцков и Думин жили в одном общежитии с Рубцовым. Соцков родом из г. Череповца (там же проживала сестра Рубцова — Галина Михайловна). Думин — из Вологодской области. Можно сказать — земляки. Не исключаю, что они общались и могли обсудить возможность приезда Рубцова к ним.

Николай не мог предположить, что до Коканда от Ташкента еще 12 часов езды. Н. М. Рубцов не доехал до Коканда, он застрял в г. Ташкенте. Его подобрал и взял к себе дядя Костя, живший у вокзала. Николай лежал на скамейке под палящим солнцем, почти умирал.

В 1954 году уехали в
Шарьу

в 13 мая по 28 июля
III курса - спец. горники, с III к.

III курса марки с 17 июля
по 28 июля

И. Н. Соукав, Душань И. Н.

критика №149 от 1 июля 1954 г.
в связи с окончанием перевода
с вышестоящей стипендией за
4 июля, август

В статье Н. Красильникова говорится, что узбекский поэт Сайяр встретил Рубцова в начале июля. В течение июля они общались. Николай читал ему свои стихи. Стихи Сайяру понравились своей мелодичностью и душевностью. Он предложил показать их в редакции русской газеты. Николай не сразу, но согласился. В редакции сказали: «...Стихи хорошие... но в них много грусти и пессимизма». Предложили писать стихи о комсомоле, хлопкоробах. На что Николай ответил, что он не пишет такие стихи, а пишет о том, что его волнует.

Однажды Коля с Ахмадом — приятелем поэта, который тоже жил у дяди Кости, грузили дыни на базаре Чор-су. Базар удивил Николая и покориł своим изобилием и запахами.

Я тоже посетила узбекский базар, будучи на практике, в г. Коканде. Он, конечно, меньше, чем Чор-су, но, тем не менее, базар произвел на меня большое впечатление и казалось, что там не один рынок, а несколько. Как сказано у Рубцова: «Жизнь меня по Северу носила и по рынкам знойного Чор-су». Не побывав на этом рынке, не узнаешь ни его названия, ни что такой существует. Нужно побывать в г. Ташкенте и посетить рынок Чор-су, чтобы его позже вспомнить в стихах.

Александр утверждает, если бы Николай был в Ташкенте, он не мог бы не упомянуть о красоте этого города. Николай был в Ташкенте до землетрясения, и я была в 1958 году. Я проходила преддипломную практику на Шор-су с середины января и до конца апреля. Тогда проездом я и побывала в Ташкенте. Целый день бродила по городу. Меня Ташкент в то время совершенно не поразиł своей красотой и необычностью, особенно район железнодорожного вокзала, где обитал Николай. Поражали только высокие глиняные заборы-дувалы, за которыми ничего не было видно.

По приведенным фотографиям г. Ташкента до землетрясения (1939) можно судить каким был тогда Ташкент. Отстроенный после землетрясения, это был уже совершенно другой город. Его восстанавливали всем Советским Союзом, и каждая республика вносила свой колорит в архитектуру домов и районов.

Теперь хочу вернуться к стихотворению «Да, умру я!». Чтобы написать его, нужно много испытать, пережить. Николай действительно многое там пережил. Это видно из статьи. Дядя Костя, когда был пьян, выгнал Николая, а протрезвев, ходил искать и снова возвращался. Это — бездомность, унижение. В середине августа Сайяр навещал Ахмада и узнал от дяди Кости, что Коля уехал домой. Дядя Костя дал ему деньги на дорогу. Татьяна помнит точно в начале августа Нико-

лай приехал с другом Саней Гладковским к ним в Шуйское. Тогда-то он ходил по малину и собрал маленький букет полевых цветов. Цветочки были скромненькие с небольшими красными головками соцветий. Этот букетик он подарил Тане. Там же он катался на велосипеде, который отремонтировал сам. Велосипед принадлежал брату Татьяны. Возможно тогда или по приезде в г. Кировск по воспоминаниям родилось стихотворение «Я долго буду гнать велосипед» — известное ныне как «Букет». 10 августа 1954 года Татьяна уехала в Вологду, Николай приехал в Шуйское, но не застал ее там, поехал за ней в Вологду. Узнав, каким поездом и в каком вагоне она едет, сумел достать билет до Москвы и именно в этот 5-й вагон, в котором ехала Татьяна. К удивлению Татьяны, он уже ждал ее в вагоне и сопровождал до Москвы. Хотел ехать с ней в Азербайджан. 12 августа они были в Москве. Ее холодность, равнодушие, возможно, заставили сказать: «Не переживай, я с тобой не поеду, я еду в Ташкент». Не задумываясь, сказал. Сказал так, потому что он уже был там, может быть, он снова хотел вернуться в Ташкент.

Однако к началу занятий 1 сентября приехал в г. Кировск, где проучился в техникуме еще один семестр до 29 января.

ЛИТЕРАТУРА

Быков, 2009. Быков А. И золотое имя Таня... Повесть о первой любви поэта Николая Рубцова. — Вологда, 2009. — С. 64.

Публикуется по рукописи.

Николай Рубцов в литературном объединении «Полярное сияние»

Николай Рубцов был зачислен на военно-морскую службу в г. Североморск 10.10.1955 года. Служил на эсминце в Североморске.

5 июля 1957 года флотская газета «На страже Заполярья» выступила с инициативой создания при газете литературного объединения. И в воскресенье в редакцию газеты пришли молодые флотские прозаики и поэты — матросы, солдаты, сержанты, старшины и офицеры...

Александр Проценко, служивший вместе с Николаем Рубцовым на Северном флоте, вспоминает: «До сих пор хорошо помню организационное собрание, которое проходило в одном из тесноватых кабинетов редакции газеты в городе Североморске. Вел собрание сотрудник газеты капитан Владимир Матвеев (впоследствии майор, а может быть, и подполковник).

Присутствовало около 30 человек, людей пишущих, пробующих писать, словом, причастных, любящих литературу. Надо сразу сказать, что масса (пока еще не члены объединения) была очень разнородная: моряки, авиаторы, воины береговых частей, даже гражданские (жены офицеров). На данном собрании мне довелось сидеть рядом с Рубцовым, я даже высказывал свое мнение по структуре литературного объединения, такие соображения высказывал и Н. Рубцов. Здесь мы и познакомились, так как служили в разных частях» (Проценко, 2006. С. 169).

Это событие произошло 9 июля 1957 года. В информации об этом событии флотская газета отметила: «На собрании выступил матрос

Ю. Кушак, рядовой В. Касьянов, военный рабочий В. Лукин, матрос В. Соломатин... лейтенант А. Гаклин, матрос А. Проценко, старший лейтенант В. Лекшинов, капитан-лейтенант Булыгин и другие». (Рубцов попал, видимо, в «и другие».)

Было решено создать две секции — поэзии и прозы. Состав секретариата избрали единодушно: Булыгин, Кострикин, Кудявнин, Кушак, Ломов, Соломатин, Шмицько.

Базой, организатором и основным потребителем творческой продукции членов литобъединения стала газета «На страже Заполярья».

28 июля 1957 года состоялось первое творческое занятие литобъединения. Проходило оно в матросском клубе города. Фотография запечатлела тех, кто был на этом занятии. Рубцова среди них нет (Булыгин, 1959. С. 5). То ли опоздал к фотографированию, то ли корабль был в плавании, а потому и Рубцов не смог быть на занятии. Хотя все, вспоминающие о Николае Рубцове, утверждают, что на всех первых занятиях Николай присутствовал. Но, подводя итоги первых полутора лет работы лито, Юрий Булыгин, секретарь литобъединения, не называет имя Рубцова среди «активных перьев» в рядах литобъединения. Названы авиатор Владелен Бондаренко, военный строитель Виктор Якименко, поэты-североморцы Юрий Якунин и Вениамин Кунков, бывший моряк Валентин Сафонов, жена военнослужащего Таисия Астапенкова, офицер Александр Соколовский, Юрий Кушак (Булыгин, 1959. С. 5). Да и во флотской газете за весь 1957 год было лишь одно стихотворение Николая Рубцова «Май пришёл» (1 мая 1957 г). Да и еще раз названа фамилия матрос Н. Рубцов в обзоре стихов начинающих авторов «Ведет к победам партия родная» в газете за 5 ноября 1957 года, где его фамилия упоминается всего лишь в одной строчке: «...Теплые строки о Ленине — самом главном человеке — написали матросы Н. Рубцов, П. Зуйненко, В. Луцких и десятки других воинов...». А что это были за стихи? Быть может, это объясняется стеснительностью Николая.

Прислушаемся к тому, что пишет в своих воспоминаниях о поэте Борис Романов: «С Николаем Михайловичем Рубцовым я познакомился в 1957 году на одном из заседаний литературного объединения Северного флота. Не помню точно, кто именно, кажется, Юрий Кушак, сказал мне: “Тут с тобой очень хочет поговорить наш талантливый поэт, Николай Рубцов, да он стесняется”. Он и подвел ко мне старшего матроса (или старшину второй статьи) — ладного, невысокого, в очень аккуратной форме и с идеально начищенной бляхой...

Матросик этот бравый действительно стеснялся, и я это самонадеянно принял на свой счет: как же, я ведь был тогда вторым помощником капитана, лицом командного состава, в мундире при всех регалиях. Однако из начавшегося разговора я понял, что трепещет он вовсе не от встречи со мной и не из-за моих медных пуговиц — он принял меня за литконсультанта недавно открывшейся молодежной областной газеты “Комсомолец Заполярья”, тоже Романова, и ждал отзыва и суда великого о своих стихах, недавно отосланных в редакцию новой газеты. Когда недоразумение выяснилось, он сразу поскучнел и стал ровня» (Романов, 1983. С. 5).

Матрос Н. Рубцов

Первая публикация стихов Николая Рубцова на страницах флотской газеты состоялась: 1 мая 1957 года было напечатано стихотворение Н. Рубцова «Май пришёл», а 5 мая 1958 года было напечатано стихотворение «Матери». Валентина Дмитриевна Зинченко в трехтомном собрании сочинений Рубцова указывает, что 5 мая 1957 года на страницах флотской газеты было опубликовано стихотворение Н. Рубцова «Май пришёл».

Владимир Матвеев, руководитель лито, отмечает: «Стихи Николая Рубцова не раз обсуждались на занятиях литобъединения, куда он приходил, получив увольнение, в ладно пригнанной форме, подтянутый, в меру скромный. Вышедшее из-под его пера заметно выделялось среди произведений других начинающих поэтов. Стихи его публиковались во флотской газете “На страже Заполярья”, в выпущенном в 1958 году к 25-летию Северного флота коллективном сборнике “На страже Родины любимой...”»

Не могу сейчас припомнить, почему в первом номере альманаха “Полярное сияние” (февраль 1959 г.), вышедшего на Северном флоте, не оказалось стихов Рубцова. Ведь в вышедшем годом раньше коллективном сборнике стихов и прозы “На страже Родины любимой” Николай представлен довольно основательно.

Целый разворот отведен ему и во втором номере альманаха» (Матвеев, 1996. С. 13).

На одном из занятий лито выработали и единодушно приняли «Положение о литобъединении», требующее от каждого члена объедине-

ния быть образцом в службе, учебе, личной жизни, обязывающее всякого из членов лито активно помогать своим творчеством газете.

Валентин Сафонов справедливо отмечает, спустя много лет после службы: «Спасибо родному Северному! Флот денно и ночью (слово к месту, ибо полярную ночь со счетов не сбросишь) пекся о своих начинающих поэтах и прозаиках. 28 июля организационно оформилось литературное объединение при газете “На страже Заполярья”. Теперь мы уже встречались не от случая к случаю, а в дни занятий, заведомо зная, чья проба пера станет предметом разговора. Политуправление рекомендовало не чинить нам препятствий с увольнениями (если мы, конечно, не имели замечаний по службе). Нам даже билеты выдали, вернее, удостоверения. Плотные корочки в синем — традиционного морского цвета — переплете, с девизом “За нашу Советскую Родину!”, с названием материнской организации: “Редакция газеты “На страже Заполярья”. По внутреннему полю слева значилось, что “тов. имярек является членом литературного объединения при газете Северного флота “На страже Заполярья”, а справа содержалась просьба к командованию части “оказывать тов. имярек всяческую помощь и содействие в организации и подготовке материалов флотской газеты, а также предоставлять ему возможность регулярного посещения занятий литературного объединения”. К удостоверению этому, скрепленному печатью и подписью редактора газеты, даже бестрепетные патрули относились с долей почтения» (Сафонов, 2004. С. 251).

Во флотской газете под рубрикой «В добрый путь» регулярно публиковались циклы стихов молодых флотских поэтов. 23 марта 1958 года в этой рубрике был напечатан цикл стихов: в верхнем правом углу третьей полосы заголовки «Доброго пути, Николай Рубцов!». Пять стихотворений и две колоночки напутственных строк Геннадия Фокина. Сейчас он утверждает, что эта публикация была осенью 1957 года и что это была первая публикация стихов Рубцова во флотской газете, но память слегка подвела Фокина. Первая публикация была 1 мая 1957 года, а 23 марта 1958 года Николай Рубцов был представлен уже циклом стихов.

В Рубцовском фонде в Государственном архиве Вологодской области хранится снимок: мельтешащие над морем чайки, а вдалеке — крохотное, как эти чайки, суденышко. На обороте рукой Рубцова написано:

Море черного цвета.
Снег на горах.
Это начало лета
В наших местах!

г. Североморск

23 марта 1958 года в этой же рубрике «Доброго пути, Николай Рубцов!» опубликовано его стихотворение «Родное море». Точно дневник в стихах ведет Николай, все, что с ним происходит на службе, описывает:

Влекли меня матросские дороги
С их штормовой романтикой. И вот
Районный военком, седой и строгий,
Мне коротко сказал: «Пойдешь на флот!»

(«Родное море»)

Служба на эсминце была временем серьезной учебы, самообразования. На занятиях лито он впервые сталкивается с литераторами, общение с ними тоже много дало, заставило думать о серьезном подходе к стихосложению.

Сохранилась фотография, где члены лито сфотографировались с приезжими литераторами. Фотография была опубликована в газете «Рыбачьи новости» (№ 1, январь 1996 г.) Под фотографией подпись: «1958 г. Литобъединение Северного флота. Североморск».

Я узнала только В. Матвеева, матросов Н. Рубцова, В. Сафонова, Станислава Панкратова в гражданской одежде и Бориса Романова, офицеров Александра Соколовского и Марка Рейтмана... А вот из гостей лито ни одного не узнала. Подписи под фотографией с указанием фамилий нет. А жаль. 30 мая 2008 года получила письмо от Зинченко

Валентины Дмитриевны, которая в Москве встретила с Сергеем Шмитко и показала ему эту фотографию с моим комментарием. Я предполагала, что среди матросов мог быть и Сергей Шмитко. На что он ответил: «Сергея Шмитко на этой фотографии нет. Предположительно, фотография сделана в редакции газеты “На страже Заполярья”. Вверху, среди людей в гражданской одежде, блондинистый, — это Станислав Панкратов, в центре, маленький, — Владимир Соломатин. А рядом с ним, я думаю, что Борис Романов. Другого, высокого, с темной шевелюрой, в светлом пиджаке, не знаю». Я не со всем соглашусь: Володя Соломатин — матрос, а в центре «маленькие» (сидит и стоит) — офицеры. По-моему, это все же Марк Рейтман стоит между двумя в гражданской одежде в верхнем ряду.

Да, требовали от литовцев сугубо «газетных» произведений. Николай, хотя иногда и писал стихи по заказу, но «газетным» поэтом не стал. И сколько бы ни говорили об «идейной дозировке» и «партийном диктате», но тогда действовала широкая и прочная система литературной учебы, без которой даже очень одаренный человек не сможет стать не только мастером, но и подмастерьем поэтического цеха. Николай Рубцов с системой литературной учебы ознакомился уже в литобъединении «Полярное сияние».

Наш местный поэт, поэт земли Кольской, Александр Миланов (тоже прошедший эту школу в лито «Полярное сияние» позже Рубцова) обратил внимание на такую деталь: первый вариант поэтического образа «Журавлей» Рубцова берет истоки в стихах, написанных в дни службы на Северном флоте и напечатанных в газете «На страже Заполярья» 28 августа 1959 года.

Холодный шум ночного океана,
Незримые дороги кораблей...
Я вижу земляничную поляну,
Над той поляной — крики журавлей.
Родимый край мой!
В грёзах или росах,
В туманах ночи и сиянье дня,
И в пору жатвы, и на сенокосах
Ты с детства завораживал меня.

(«Долг»)

Вот образ, который обретет силу позднее. Александр Миланов уверен: «Если бы поэта удовлетворил первый вариант “Над той поляной — крики журавлей”, мы бы никогда не имели второго, позже созданного шедевра лирики:

Широко по Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят.... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...

(«Журавли»)

Но в том-то и дело, что поэт совершенствовался, рос. Ранние опыты порой напоминали отработанную ступень космической ракеты, они, выполнив свою роль, отпадали, а ракета — то бишь автор, шел дальше», — заметил Александр Миланов (На вершине..., 1994. С. 26).

Но и от морских своих стихов поэт не отрекался. С семнадцати до двадцати трех лет — годы становления Души. А в это время Николай был на Севере — с 1953 года по 1959-й. Почти шесть лет. Тралфлот... Кировский горный техникум... Служба на Северном флоте. К морю стремился он с детства. О море мечтал. Морем проверял себя на стойкость и человечность. На любовь. Вот оно начало любви к морю:

Помню ясно,
Как вечером летним
Шел моряк по деревне —
и вот
Первый раз мы увидели ленту
С гордой надписью
«Северный флот».
Словно бурями с моря
пахнуло,
А не запахом хлеба с полей,
Как магнитом к нему потянуло,
Кто-то крикнул: «Догоним скорей»,
И когда перед ним появились
Мы, взметнувшие пыль с большака,
Нежным блеском глаза осветились
На суровом лице моряка.
Среди шумной ватаги ребячьей,
Будто с нами знакомый давно,
Он про море рассказывать начал,
У колодца присев на бревно.
Он был весел и прост в разговоре,
Руку нам протянул: «Ну, пока!».
Я влюбился в далекое море,
Первый раз повстречав моряка!

(«Начало любви»)

И море войдет в его судьбу. «Это стихотворение под названием “Начало любви” было опубликовано 3 июля 1969 года в газете “Комсомолец Заполярья”. Это же стихотворение прислал в начале 1968 года в редакцию газеты “На страже Заполярья” сам Рубцов, и оно было напечатано в газете 4 февраля того же года, — вспоминает Владимир Матвеев. — Сравните две эти публикации. Сколько в них разночтений! Какой из вариантов считать окончательным? Видимо, все же последний» (Матвеев, 1996. С. 13).

Да, разночтения в этих публикациях явные. В стихотворении были строки:

«К нам надолго?»
«Надолго, ребята,
Целый месяц у вас
                        проведу,
Приходите, — сказал, —
                        до заката,
Вон, — добавил, — изба
                        на виду...»

Согласимся с Александром Милановым: последний вариант точнее, романтичнее. Он-то и общеизвестен, текст, опубликованный в газете «Комсомолец Заполярья» 3 июля 1959 года. Владимир Матвеев ошибочно назвал дату публикации стихотворения Рубцова в газете «Комсомолец Заполярья» 3 июля 1969 года, публикация была десятью годами раньше. Но и в нем есть разночтение: строка «как магнитом к нему потянуло» там звучит иначе: «как к магниту, к нему потянуло». Весь остальной текст остался без изменения.

Путаницы в воспоминаниях о флотской жизни Рубцова немало. Так в литературно-художественном альманахе «Литературный Сургут» № 4 за 2006 год опубликовано письмо Александра Николаевича Проценко, служившего в одно время с Рубцовым на Северном флоте и вместе с ним посещавшего лито «Полярное сияние». Письмо было адресовано Сергею Лагереву. А. Н. Проценко вспоминает курьез, якобы произошедший с Рубцовым: «Памятен для меня еще один случай осенью 1958 года. В первой половине сентября собрались мы, начинающие поэты-североморцы, на очередное занятие и сразу же завели разговор о стихотворении Н. Рубцова “Первоклассница”. К этому времени имя Н. Рубцова уже было известно читателям Северного флота и слушателям Североморского радио. Дело в том, что, как многие начинающие поэты, Н. Рубцов в августе направил стихотворение “Первоклассница” в редакцию нашей флотской газеты и в газету Мурман-

ского обкома партии “Полярная звезда”. Мысль он преследовал примерно такую: одна какая-то газета, может, и напечатает...

На проверку вышло, что напечатали 1 сентября обе газеты. Но самая главная неприятность была в том, что редакционная правка одной газеты и другой несколько видоизменили две строфы, хотя было бесспорным — это одно и то же стихотворение. Разгорелись дебаты. Часть товарищей говорила, что ничего особенного в данном поступке нет: мол, одна газета для гражданского населения, а другая — для военнослужащих. Однако большинство сошлось на мнении, что все равно сотни и даже тысячи читателей увидели как одно, так и другое газетное стихотворение. Надо было видеть, как переживал Николай Рубцов, сидя здесь же на занятиях!.. В конце концов, он не выдержал, поднялся и произнес смущенный, покрасневший, опустивши глаза: “Конечно, получилось нехорошо, я это сразу осознал. Даю слово, что подобного больше не повторится...” Последующим своим творчеством Н. Рубцов доказал это».

Читаю публикацию в альманахе и чувствую: здесь что-то не то. Газета Мурманского обкома партии называлась всегда «Полярная правда», а не «Полярная звезда». Но спешу в библиотеку Дома офицеров в Североморске. Беру подшивки газет «На страже Заполярья» и «Полярная правда» за сентябрь 1958 года. Увы. 1 сентября не выходил ни номер «Полярки», ни номер «На страже Заполярья». Лихорадочно листаю августовские номера за 30 и 31 августа. Пусто. И в первых сентябрьских номерах тоже ничего подобного нет. Решила посмотреть газеты за 1 сентября 1957 года. Есть. Стихотворение «Первоклассница» в газете «На страже Заполярья». Но не Рубцов написал это стихотворение. Принадлежность авторства четко указана: матрос И. Расторгуев. Под стихотворением снимок девочки первоклассницы. Подпись: «первоклассница Люда Сорокина».

Читаю стихотворение и успокаиваюсь совсем: это не стиль Рубцова:

Все меньше солнечного света
Земле скупое небо шлет,
Вчера рассталось с нами лето —
Сентябрь сегодня настает.

Заборчик новый огибая,
Тропинка под гору бежит.
По ней веселая, живая
С портфелем девочка спешит....

Листаю подшивку газет. Не часто, но встречаю стихи за подписью: «матрос И. Расторгуев». На псевдоним не похоже: слог не рубцовский.

И, наконец, нахожу традиционную подборку «Доброго пути, Иван Расторгуев!» во флотской газете от 2 марта 1958 года. Матрос Иван Расторгуев — реальное лицо. Его-то и перепутал в памяти с годами Александр Проценко.

Провалы памяти случаются. Вот и я не могу точно припомнить, когда случилась моя «невстреча» с Николаем Рубцовым в 1957 или 1958 году. В 1954—1962 годах я работала учителем в начальных классах. Общественная нагрузка — пионервожатая. Как-то председатель лито «Полярное сияние» Владимир Матвеев пригласил ребят, пытающихся писать стихи, на занятие литобъединения в Дом офицеров города Североморска. Несколько ребят решили принять приглашение, а меня направили от школы в сопровождающие. Как давно это было! А вспомнилось о том мне во время уборки моей книжной полки в 1986 году. По тому случаю решила сжечь свои старые тетради конспектов уроков по начальным классам. В то время я уже больше 20 лет работала в старших классах преподавателем русского языка и литературы. Но конспектами старыми изредка пользовалась, когда шла на внезапную замену друзей из начальных классов. Но такое случалось все реже и реже. Вот и решила расстаться с тетрадями. Не глядя, отрывала крепкие корочки от общих тетрадей: картонки всегда пригодятся учителю. Тетради сожгла, а картонки стала складывать в одну стопочку. Заметила, что к одной прилепился лист. На нем карандашные записи: «Не забыть! Поэтов школы пригласили в Дом офицеров в среду к 16 часам. Матвеев Владимир (поэт)». Дальше под чертой: «На встрече были наши 4 человека. Стеснялись читать свои стихи. Читал стихи матрос Николай Рубцов. И его стихи разбирали офицеры. Он держался резко и дерзко. Стихи о море». Я крутила в руках листок. Ничего не помню... Не помню, как выглядел этот матрос Николай Рубцов. Не помню, что он читал. Не помню, кто из детей был со мной. Это были старшеклассники (седьмой класс тогда в нашей школе был старшим, выпускным). Я их не учила. Не знаю, когда это было. Планы уроков уже сожжены, а на листочке нет даты...

На обороте листа такие же карандашные записи: «1. Рогозина сдать стихи. 2. Азизов — по арифметике в субботу после уроков». Под чертой — «не забыть комсомольские взносы». Чуть прояснилось: Гриша Азизов и Люда Рогозина у меня учились вместе в 1957—1958 годах. Значит, эта запись или конца 1957 года или зима 1958 года...

Да. Если бы знать, кого мы слушали тогда, каждое слово, каждый жест Николая Рубцова запомнили бы, записали, сохранили.... А тут даже не помню, что читал. Стихи о море... НЕВСТРЕЧЕЙ вышла эта встреча.

А вот листок тот бережно храню, порыжевший, с почти стершими-
карандашными записями...

На фотографии Рубцов в бескозырке и надпись: «Привет из Североморска». Мальчишка, счастливый тем, что он догнал свою мечту — служит на флоте, смотрит на нас с этого снимка. Увлекавшая поэта штормовая романтика стала теперь суровой жизненной реальной романтикой:

После дня, прошедшего в «атаках»,
Сколько раз я милой называл
Выплывшую вдруг из полумрака
Землю тундры и суровых скал...
(без названия четверостишие)

Здесь впервые Николай Рубцов стал печататься на страницах газет «На страже Заполярья», «Комсомолец Заполярья», в альманахе «Полярное сияние», в коллективном сборнике «На страже Родины любимой»... Здесь впервые общается на равных с «живыми» поэтами на заседаниях лито «Полярное сияние». Борис Романов вспоминает: «В первом послевоенном составе литературного объединения Северного флота (при газете “На страже Заполярья”), существовавшем в конце 50-х — начале 60-х годов нас занимало 30 человек и среди них матрос с эсминца (названия не помню) Николай Рубцов.

Из этого состава литобъединения 14 человек стали впоследствии членами Союза писателей: Станислав Панкратов, Валентин Сафонов, Юрий Кушак и другие. Стал им и Николай Рубцов...» (Романов, 1983. С. 5).

Наш край, Баренцево море оказались причастными к биографии Николая Рубцова. В его стихах есть приметы наших северных морей и Кольской земли:

Здесь рождаются добрые вести,
Что обрадует мурманский стан!
А на мостике в мокрой зюйдвестке
С чашкой кофе стоит капитан.

Капитан, как вожатая птица,
В нашей стае серьезен один:
Где-то рядом в тумане таится
Знаменитый скалистый Кильдин.

(«Хороший улов»)

Мурманский поэт Виктор Тимофеев замечает: «Ранние стихи Николая Рубцова — целая морская книга. Да и после службы она продолжа-

ется! И это по-настоящему яркая, талантливая книга о море. Появился поэт, который был способен понять стихию океана, принять его вызов и выразить энергию этой стихии подвластной ему энергией слова:

А волны,
    как мускулы,
                    взмывленно,
                                    рьяно,
Буграми
    в суровых тонах
Ходили
    по черной
                    грудь океана,
И чайки
    плескались
                    в волнах... (Тимофеев, 1993).
                                    («В океане»)

Рубцов чувствует стихию океана:

Вечно в движении, вечно волна,
(Шумны просторы морские), —
Лишь человеку покорна она,
Сила суровой стихии...
                                    («Море»)

Тона и полутона, яркие краски и тонкие звуки — все видит и воспринимает чуткая душа поэта:

Свет луны ночами очень тонок,
Берег светел по ночам,
Море тихо, как котенок,
Все скребется о причал...»
                                    («Весна на море»)

В лицо дует «знобящий норд» или корабль плывет в тихую погоду «среди бескрайних волн», или угрюмое море в угрюмые ночи порождает угрюмые думы, но «стало угрюмо, угрюмо и как-то спокойно душе». Море не пугает, не рождает страха. Эта сила океана подвластна силе разума человека. А Рубцов — поэт. Он может силой слова передать эту силу стихии, прочувствовать ее, как только это чувствует извечно живущий у моря на земле помор. Корни поэта Рубцова поморские, архангельские, мурманские. Николай Рубцов — мурманский поэт. Он чувствует море так, как это чувствуют закоренелые мурманские мореходы. Да и для пробы голоса в поэзии он выбрал море.

ТВОРЧЕСТВО ЧЛЕНОВ ЛИТОБЪЕДИНЕНИЯ

2

• СЕРГЕЙ ШМИТЬКО •

Альманах
литобъединения
Северного флота. 1959 г.

А, может, море выбрало его своим инструментом голоса морской песни. Да, здесь начало рубцовского поэтического голоса. А шлифовал свой голос он в лито «Полярное сияние». Здесь он почувствовал, понял, что романтика и правда жизни в поэзии его будут на равных рядом. Моряцкий цикл стихов дышит удалью, романтикой и силой правды жизни. Здесь он понял, что никем иным как поэтом он не будет. Здесь он понял, что вошла в его жизнь «необъяснимая любовь к полночным северным судам».

Владимир Матвеев вспоминает: «Публикацию во флотской газете, озаглавленную “Звезда полей”, предваряет письмо одного из североморских друзей Николая —

Сергея Шмитько. Приведу выдержку из него: “Весной прошлого года Николай Рубцов был в Москве. Мы вспоминали Североморск, морскую службу, Я разыскал вырезки из флотской газеты, первые номера альманаха “Полярное сияние”.

— Мне очень дороги стихи, которые я написал в матросском кубрике, — сказал поэт и, улыбнувшись, прочитал:

Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал...»

(«Я весь в мазуте...»)

(Шмитько, 1968).

В морских стихах Рубцов пробует силу, и крепнет голос рубцовской музыки в циклах моряцких стихов:

А дни идут...
Над палубой эсминца
Качается свинцовый небосклон.
А волны, волны, волны вереницами
Стремительно бегут со всех сторон.
И там, где сила духа на пределе,
Где шторм встает преградой кораблю,
Я должен доказать на деле,
Что сердцем всем я Родину люблю.

(«Долг»)

Сегодня в том никто не сомневается. А литературную учебу он прошел у нас на Севере в лито «Полярное сияние». Прислушаемся к признанию того, кто вместе с Николаем Рубцовым посещал это литературное объединение, к словам Станислава Панкратова: «Эта служба, я считаю, была для Рубцова удачей, биографическим счастьем, определенной школой и одновременно хорошей умственной нагрузкой, пищей для ума... Члены литературного кружка прошли те университеты, которые никакое образование не заменит» (Полётова, 2005). Эти выводы сделаны, когда Станислав Панкратов уже был редактором журнала «Север».

Виктор Тимофеев признается: «Мне не посчастливилось лично знать Н. М. Рубцова. Но я его видел... Это было в северноморском литературном объединении... Проходя стажировку на Северном флоте, я несколько раз посетил редакцию, комнату, где проходили занятия. Сидя в уголочке, слушал офицеров, матросов... Мне нравилось — споры, рассуждения, строки стихов... Там была товарищеская атмосфера. Нет возраста и чинов — есть стихи и метафоры; ценят по способностям, ценят — по смелости, по дерзновенности. Не так было на корабле. Диалоги матросов в кубриках — на порядок ниже, скучнее. Диалоги матросов и офицеров в ходе службы — на порядок грубее, жестче.

Кто там был на литобъединении пофамильно — я не узнал. Позже, знакомясь, кое-кого вспомнил из тех, кто еще годы жил на Севере...

Замечательное было лито. Из него вышло несколько серьезных писателей, сейчас широко известных. А самым крупным спустя годы оказался поэт национального масштаба Рубцов» (Тимофеев, 1993).

ЛИТЕРАТУРА

Булыгин, 1959. Булыгин Ю. Наш юбилей еще далек // Полярное сияние. — 1959. — № 1. — С. 5.

Матвеев, 1996. Матвеев В. Он был настоящим поэтом // Рыбачские новости. — Москва, 1996. — № 1. — С. 13.

На вершине..., 1994. На вершине земли Кольской // А. Миланов. Море Николая Рубцова. — Мурманск, 1994. — С. 26.

Полётова, 2005. Полётова М. Пусть душа останется чиста // Воспоминания С. А. Панкратова о северноморских встречах с Н. Рубцовым. — Москва, 2005. — С. 159.

Проценко, 2006. Проценко А. Письмо Сергею Лагереву // Литературный Сургут. — 2006. — № 4. — С. 169.

Романов, 1983. Романов Б. // Воспоминания о Рубцове. — Архангельск, 1983. — С. 5.

Сафонов, 2004. Сафонов В. Поэт и босоножка // Киносценарий и повести. — Рязань, 2004. — С. 251.

Тимофеев, 1993. Тимофеев В. Россия, Русь! Храни себя, храни! // Советский Мурман. — 1993. — 19 янв.

Шмитько, 1968. Шмитько С. Звезда полей // На страже Заполярья. — 1968. — 4 февр.

Стихи Н. Рубцова, напечатанные в газете «На страже Заполярья»:

Майский шум. — 1957 г., № 103, 1 мая, с. 3.

Матери. — 1958 г., № 4, 5 января, с. 3.

«После дня, прошедшего в атаках ...» — 1958 г., 23 марта, с. 3; тогда же — Отпускное; Встреча; Родное море; Пой товарищ; Северная береза — 1958 г.; В походе («В широких шелях утеса...»). — 26 июня 1958 г., Шторм («Нарастали волны...»). — 12 июля 1958 г., Сердце героя.

Желание. — 13 августа 1958 г.,

Матросская юность. — 29 августа 1958 г., № 204, с. 2.

Герой. — 16 сентября 1958 г.

Море («Вечно в движенье...»). — № 74, 29 марта 1959 г., с. 4.

Морская служба. — № 88, 15 апреля 1959 г., с. 2.

Ленинец; Партия. — 22 апреля 1959 г.

Возвращение. — 26 апреля 1959 г., № 101.

Матросская слава. — 20 мая 1959 г.

Гордость. — 12 июля 1959 г.

Матросский бушлат. — 29 июля 1959 г.

Юность («Было мне девятнадцать...»). — 2 августа 1959 г.

Долг («Холодный шум ночного океана...»). — 28 августа 1959 г.

Море («В базу лодка вернулась...»). — 24 ноября 1959 г.

Я в море ходил. — 29 ноября 1959 г.

«Как хорошо, ты посмотри...» — 8 октября 1959 г.

Наука и бизнес на Мурмане: Научн.-практ. альм. — Мурманск: Кн. изд-во, 1996: Рубцовский форум. — 2008. — № 2. — С. 5—12.

Стихи Рубцова в газете «Комсомолец Заполярья»

Осенью 1955 года девятнадцатилетнего Рубцова призвали в армию. Он имел крепкое здоровье, навыки морской работы, потому направили для прохождения службы на Северный флот. Сначала прошел курс молодого матроса, а в марте 1956 года назначен на эсминец «Острый» дальномерщиком артиллерийской боевой части.

Служба на Севере во второй половине 50-х годов для матроса Николая Рубцова, будущей поэтической звезды России, — это и воспитание характера, возмужание, и период становления творческой личности. Хотя это еще пора ученичества, но уже в тех ранних стихах проявились задатки несомненного таланта. Этому способствовало самообразование, первые публикации в местной печати и, главное, литературное окружение и общение поэта. К примеру, писал стихи его сослуживец и друг — матрос Геннадий Фокин. Как ни странно, но именно Фокин, а не кто-то из опытных редакционных литераторов, весной 1958 года на странице флотской газеты «На страже Заполярья» пожелал: «Доброго пути, Николай Рубцов!».

А несколько раньше, летом 1957 года, в Североморске при этой газете образовалось литературное объединение Северного флота, в котле которого стали вариться пробующие перо офицеры и матросы плавсостава, летчики, врачи, жены военнослужащих. Кто-то начинал писать, кто-то уже печатался. Через год силами лито стали издаваться альманахи «Полярное сияние», выпускаться коллективные сборники, естественно, под зорким оком политуправления СФ. Вот несколько имен литераторов той поры, с кем дружил, с кем общался Рубцов, — Валентин Сафонов, Борис Романов, Станислав Панкратов, Юрий Кушак, Владимир Матвеев. Все они через какое-то время стали профессиональными писателями.

Но не только флотская печать манила поэта Рубцова. С марта 1957 года в Мурманске стала выпускаться областная молодежная газета «Комсомолец Заполярья», по средам, пятницам и воскресеньям, позднее в журналистской среде получившая шутовое назва-

ние «Коза». Она выходила еще до войны, с началом военных действий прекратила существование и вот — через много лет возобновилась. Молодежка охотно печатала молодых начинающих авторов, в том числе североморцев из литобъединения, в основном — Владимира Матвеева и Аркадия Мееровича. Эти люди наряду с лирикой охотно выдавали на гора́ и гражданственные опусы к праздникам, красным датам, могли выполнить и редакционный заказ. Позднее в воспоминаниях о Рубцове Матвеев упомянул эту сторону творчества, признавался, что, работая во флотской газете, даже подталкивал младшего товарища к написанию заказных стихов, однако отметим, что ни одного «датского», пафосного стихотворения в областной молодежке Рубцов не напечатал. В 1957—1960 годах здесь он опубликовал десять лирических и два детских поэтических произведения. За исключением одного все они вошли в известный трехтомник, составленный В. Зинченко.

Газета «Комсомолец Заполярья» более лояльно относилась к поэтическому содержанию, нежели газета «На страже Заполярья». Регулярно печатала стихи о любви, природе, цветах, первом снеге, солнце — то, что на страницах своей газеты не всегда могла позволить флотская редакция. Возможно, стихи Рубцова, появившиеся в Мурманске, ранее были отвергнуты в Североморске.

Редактором «Комсомольца» тогда был Евгений Борисович Бройдо (1923—1989), журналист с большим стажем, человек в печати осторожный. Его правая рука — Евгений Алексеевич Бородин (1924—2007), фронтовик, орденосец и, что немаловажно, поэт. Он-то определял поэтический мир газеты. Временами замещал Бройдо на посту редактора, публиковал немало своих стихов. Но почему-то не складывались отношения с местным издательством, только на склоне лет выпустил несколько сборников. Не стал он и редактором, в феврале 1959 года Бройдо заменила Валентина Васильевна Демидова (1931—2010), пришедшая с должности руководителя лекторской группы областного комитета ВЛКСМ.

Бородин, вероятно, был инициатором создания в газете литературной страницы, где Рубцов напечатался лишь один раз в номере за 3 июля 1959 года со стихотворением «Начало любви» (Помню ясно, как вечером летним / Шел моряк по деревне — и вот/ Первый раз мы увидели ленту/ С гордой надписью «Северный флот»...). Остальные стихи, по одному, публиковались под другими рубриками. Например, первое появившееся в «Комсомольце Заполярья» стихотворение Рубцова

«Моё море» поместили на странице с заголовком «Юнкоры нам пишут» (30 ноября 1957 год). А стихотворение «Ветер с Невы» напечатано на «Странице выходного дня» (5 октября 1958 год), стихотворение «Вспомнилось море» — на странице «Поговорим о подвигах, о славе...» (16 января 1959 год). Остальные стихи печатались сами по себе, тематически не привязанные ни к чему, к каким-либо статьям и заметкам.

В этом отношении удивительна публикация лирического стихотворения Рубцова «Желание» (22 августа 1958 год) — в дальнейшем окончательный его вариант под названием «Букет», как всенародно известная песня («Я буду долго гнать велосипед...»). Стихотворение это о любви, ревности, расставании. А напечатано где?! На четвертой полосе в окружении с одной стороны статьями о науке, с другой — о действиях американских войск в Ливане...

Рубцов демобилизовался осенью 1959 года, в конце ноября устроился на Кировский завод в Ленинграде. Неизвестно, посылал ли он стихи в мурманский «Комсомолец Заполярья» с гражданки. Возможно, в редакции что-то осталось от предыдущей почты, 27 января 1960 года газета на четвертой полосе опубликовала два детских коротеньких стихотворения:

НЕОЖИДАННЫЙ ВОПРОС

Ночью глазенки открыл малыш.
— Мамочка, ты не спишь?
— Что тебе, милый? Спи без забот!
— Мама, а как крокодил поет?

УЗНАЛА

В дверь из метели старик-водовоз
Утром вошел, и малышка сказала:
— Мама, гляди-ка, пришел Дед Мороз,
Я его сразу по носу узнала.

В трехтомник В. Зинченко первое стихотворение не вошло. Второе она включила по публикации его в «Литературной России» от 2 января 1976 года, еженедельник тогда дал 10 малоизвестных и неизвестных стихотворений поэта. Стихотворение «Узнала» изменилось, сейчас оно звучало так:

В дверь из метели старик водовоз
Утром вошел, и Аленька сказала:
— Мама, ты видишь, пришел Дед Мороз.
Я его сразу-пресразу узнала!

Лена — дочь Н. Рубцова

Если Аленка (Лена — имя дочки Рубцова) — удачная замена слова «малышка», то последующие исправленные строки явно слабее, нежели в мурманском варианте. Заметим, в советское время в разных городах России (Барнаул, Вологда, Кемерово, Москва) выходили иллюстрированные книжки Рубцова, предназначенные детям. Вышеназванное четверостишие «Узнала» попало только в коммерческое издание «Добрый Филя» (Вологда, 1991), а стихотворение «Неожиданный вопрос» составители обошли вниманием.

Известны два стихотворения, в публикации которых Рубцову отказали в «Комсомольце Заполярья». В безымянном обзоре поэтической почты «Думы молодых»

(12 марта 1958 год) упоминается стихотворение «Утро на море», но так и не напечатанное в газете. Через год оно появилось в журнале «Советский моряк» (1959, №17). В редакционном ответе автору в письме от 26 декабря 1958 года про стихотворение «Первый снег» говорится: «Очень картинное, даже умильное...»

В номере от 27 июля 1958 года, в День Военно-морского флота, четвертую полосу газета отдала творчеству североморцев, увы, без поэзии Рубцова. Но фамилия его упоминается в предисловии: «В нашей молодежной областной газете печатались стихи некоторых членов литературного объединения при газете Северного флота “На страже Заполярья” — В. Матуса, Н. Рубцова, А. Мееровича, В. Матвеева, Г. Баско и других...». Под предисловием напечатана групповая фотография: московский поэт подполковник Николай Букин, бывший североморец, в окружении членов литобъединения. Однако Рубцова на ней нет.

Стихи Н. Рубцова, напечатанные в газете «Комсомолец Заполярья»

Моё море («Эх ты, море моё штормовое!») — 1957, № 114, 20 ноября. — С. 3.
Деревенские ночи («Ветер под окошками тихий, как мечтание...» — 1958, № 61, 16 мая. — С. 3.

Воспоминание («Помню, как тропкой, едва заметной...») — 1958, № 86, 16 июля, с. 2.

Желание («Мне очень больно, но обиды нет...») — 1958, № 102, 22 августа, с. 4.

Ветер с Невы («Я помню холодный ветер с Невы...») — 1958, № 121, 5 октября, с. 4.

Вспомнилось море («Крыша. Над крышей луна...») — 1959, № 7, 16 января, с. 3.

Море («Ветер. Волны с пеной...») — 1959, № 41, 5 апреля, с. 3.

После разлуки («Идет дождь? Можно узнать по луже...») — 1959, № 57, 13 мая, с. 3.

Начало любви («Помню ясно, как вечером летним...») — 1959, № 79, 3 июля, с. 4.

Первый поход («От брызг и ветра губы были солонны...») — 1959, № 84, 15 июля, с. 2.

Неожиданный вопрос. — Узнала. — 1960, № 11, 27 января, с. 4.

Наука и бизнес на Мурмане: Научн.-практ. альм. — Мурманск: Кн. изд-во, 1996: Рубцов и Кольский Север. — 2011. — № 1. — С. 33—35.

А. С. Рыжов

Шесть заполярных лет Николая Рубцова

Шесть лет — именно столько времени провел Николай Рубцов на Кольском Севере. Срок может показаться невеликим, но в короткой жизни Рубцова — шестая часть, даже чуть больше. В эту шестую часть

поместились учеба в горно-химическом техникуме Минхимпрома в Кировске и матросская служба на Северном флоте. И еще — первые стихи и первые публикации. О них и поговорим.

В Заполярье Рубцов попал 17-летним юношей — можно сказать, подростком, а уехал после демобилизации в Ленинград молодым человеком 23 лет, вполне сформировавшимся не только физически и интеллектуально, но и духовно. И творчески. Недаром в ленинградских литературных кругах (самых, пожалуй, профессиональных на тот момент в Советском Союзе — даже по сравнению с московскими) он сразу пришелся ко двору, стал играть первую скрипку в далеко не слабом литобъединении «Нарвская застава» и вскоре выпустил свой дебютный, тогда еще отпечатанный на машинке, сборник «Волны и скалы». С такой подготовкой поступление в Литинститут и вспыхнувшая в середине 60-х всесоюзная популярность выглядят вполне закономерными.

Вот они — первые опубликованные строки поэта:

Вьюги в скалах отзвучали.
Воздух светом затопив,
Солнце брызнуло лучами
На ликующий залив!

День пройдёт — устанут руки.
Но, усталость заслонив,
Из души живые звуки
В стройный просятся мотив.

Свет луны ночами тонок,
Берег светел по ночам,
Море тихо, как котёнок,
Все скребётся о причал...

(«Весна на море»)

Стихотворение было напечатано в североморской газете «На страже Заполярья» 1 мая 1957 года (для 21-летнего Николая эта дата стала вдвойне праздничной), а год спустя вошло в альманах «На страже Родины любимой». Строчки вроде бы немудреные, вполне себе описательные, но с литературных позиций сделаны грамотно. Чувствуется, что писал не новичок, который не знает еще, как правильно подбирать слова и рифмы, а хоть и юный, но уже освоивший азы, набивший руку и весьма способный поэт. Да и образ моря-котёнка, тихо скребущегося о причал, согласитесь, мил.

Показательно, что Рубцов в первые годы своего литературного становления публиковаться не спешил. Можно, конечно, сослаться на то, что попасть тогда даже на страницы провинциальной газеты было делом непростым — профессиональные редакторы и литсотрудники не пропустили бы откровенную халтуру. Но, думается, и сам Рубцов был в состоянии объективно оценить уровень своих творений. Нигде нет упоминаний о том, что будущий автор «Звезды полей» страдал звездной болезнью. Да и рановато ей было развиваться в годы ученичества. Зато с самоконтролем и упорной работой над словом у него все было в порядке. Помните? — «черны мои черновики»...

Вторая публикация — только через полгода, в ноябре 1957-го, в газете «Комсомолец Заполярья». Здесь, в стихотворении «Моё море», штрихами, наметками проступает уже тот, настоящий Рубцов, о котором по прошествии десяти лет будут говорить все:

Эх ты, море моё штормовое!
Как увижу я волны вокруг,
В сердце что-то проснётся такое,
Что словами не выразишь вдруг.

.....
Я труду научился на флоте,
И теперь на любом берегу
Без большого размаха
в работе
Я, наверное, жить не смогу...

(«Моё море»)

Не правда ли — это уже не просто строки, сложенные ровно и правильно? Ощущается собственный почерк, признак стиля, который пока лишь намечается, но вскоре разовьется со всей широтой и глубиной. И для нас, северян, лестна концовка — пусть немного наивная в своей пафосности, но, безусловно, нелицемерная:

.....
Нет, не верю я выдумкам ложным,
Будто скучно на Севере жить.
Я в другом убеждён:
Невозможно
Героический край не любить!

(«Моё море»)

В следующем 1958 году — уже более десятка публикаций. Наряду с отдельными стихотворениями целые подборки, первое появление в коллективном сборнике... Рубцов еще не сформировавшийся стихот-

ворец, он еще не чужд подражаниям (как, например, в стихотворении «Матери», где совершенно ясно слышатся есенинские мотивы), но он продолжает идти своей тропой, верен раз и навсегда выбранному направлению. Не смущают даже уколы критиков. «Здесь и волны, “как рифмованные строчки мелодически звучат”, и меняющийся ритм, а главного — поэзии — нет», — это из рецензии, которую в том же году Рубцов получил в хорошо знакомой газете «На страже Заполярья». Так оценили стихотворение «На рейде», присланное им для публикации. Стихотворение и впрямь не ахти какое, а для поднаторевшего Рубцова той поры откровенно слабое. Критике автор внял и нигде его при жизни не печатал — увидело свет оно без малого тридцать лет спустя.

Из стихов, опубликованных в 1958-м, выделим наиболее, на наш взгляд, примечательные. Так, в газете «На страже Заполярья» был опубликован маленький набросок под названием «Желание»:

Можно жить, забравшись на полати...
Но хочу я, чтобы с юных лет
Жизнь промчалась,
  как торпедный катер,
За собой оставив бурный след!

Вот оно — жизненное кредо Рубцова. Эти строчки не остались для него проходными, о чем можно судить хотя бы по тому обстоятельству, что через три года в сборнике «Первая плавка» появился расширенный вариант стихотворения. Финальная строфа там звучала следующим образом:

Я хочу, чтоб времени фарватер
Не оставив где-то в стороне,
Жизнь промчалась, как торпедный катер
Мчит навстречу взмыленной волне!

(«Желание»)

Напомним, конец 60-х — время службы Рубцова на флоте. Отсюда и тематика стихов — море, волны, матросские вахты, корабли, катера... Даже в стихах на, скажем так, общечеловеческие темы то и дело проскальзывают образы из той жизни, которая тогда окружала поэта. Отпечаток строгих армейских правил чувствуется во всем, от них не деться было никуда, поэтому современный и тем более гражданский читатель должен простить тогдашнему военному моряку Рубцову и втиснутые в стих суконные слова о том, как надо «любить устав, не

требовать покоя, в суровых буднях мужественным быть» и патетику наподобие вот такой: «Коллективным героем Советской страны стала наша матросская юность!».

Заметим, что при обилии среди ранних рубцовских стихов достаточно стандартных и необязательных по содержанию, не найдется, пожалуй, ни одного, которое было бы плохо сделано с позиции формы. Молодой поэт очень быстро освоил литературную азбуку, впитал и стал умело использовать все то, что составляет гармоничную музыку стиха. Осталось научиться наполнять эти добротные и прочные конструкции оригинальными мыслями и чувствами. Впрочем, и с этим Рубцов быстро начал справляться. Как уже было сказано, даже в самых первых его стихах видна рука поэта, который в ближайшем будущем обещает вырасти в большого мастера.

Звезды-ориентиры, на которые шел Рубцов в своих юношеских исканиях, были все, как один, первой величины. Среди них — Лермонтов, чье влияние явственно ощущается, например, в стихотворении «Северная берёза»:

Есть на Севере берёза,
Что стоит среди камней.
Побелели от мороза
Ветви чёрные на ней.
.....
Спят морские перекрёстки,
Лишь прибой гремит во мгле.
Грустно маленькой берёзке
На обветренной скале.

Не правда ли, аналогии с одинокой сосной, стоящей на Севере диком, напрашиваются сами собой?

Или уже упоминавшийся Есенин, на чье «Пой песню, поэт, пой...» так похоже рубцовское «Пой нашу песню, пой, славный товарищ мой...», увидевшее свет все в том же 1958 году.

Чем еще был знаменателен для Рубцова 58-й? Наверное, первым появившимся в печати положительным отзывом на его стихотворения. И пусть автором был не великий писатель, а друг-матрос Фокин, но это небольшое ободрительное слово с красноречивым названием «Доброго пути, Николай Рубцов!», появившееся, как нетрудно догадаться, в газете «На страже Заполярья», не могло не окрылить пока еще не избалованного похвалами поэта. А еще никак нельзя пройти мимо

первого наброска легендарного «Букета». Набросок этот, называвшийся «Желание», был напечатан впервые 22 августа 1958 года в мурманском «Комсомольце Заполярья» и имел далекий от хрестоматийного вид:

Мне очень больно,
но обиды нет.
И унывать себе я не велю.
Нарву цветов и подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу:
— С другим наедине
О наших встречах позабыла ты.
Ну, что ж, на память обо мне
Возьми вот эти красные цветы!
Она возьмет, я буду очень рад...
А после снова сердце ранит грусть!
Она уйдет, так и не вскинув взгляд,
Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть!
Мне очень больно, но обиды нет.
И унывать себе я не велю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю.

Доработка этого текста длилась целых семь лет. В том виде, в каком оно известно всем, стихотворение появилось лишь в 1965-м, в сборнике «Лирика». Но первый росток, как видим, проклюнулся еще тогда — во время службы автора у нас, в Заполярье.

1959-й — последний год пребывания Николая Рубцова на Кольском полуострове. Впереди по курсу уже вырисовывался Ленинград, где Рубцов проведет следующие три года и сменит несколько совсем не поэтических профессий, вплоть до кочегара (вероятно, именно он положил начало плеяде питерских поэтов «из кочегарки», продолженную затем Виктором Цоем, Александром Башлачевым и многими другими). Затем будут Москва, Литинститут, первые настоящие книги, знакомство с великими литераторами-шестидесятниками, их восторженные отзывы, слава... Но пока он еще старший матрос Севфлота, мечтающий о дембеле, продолжающий писать стихи и публикующий их в северной периодике.

Одно из них — «Начало», вышедшее в газете «Рыбный Мурман». Вот строчки оттуда:

.....
Помню, как первый раз
Робко ступил на борт.
Утром в туманный час
Судно покинуло порт.
Вьюжило. Норд кричал,
Злостью летя живой,
Каждого новичка
Море бьёт тяжело.
Горя хлебнул и я.
Но от меня про то
Жалобных слов, нытья
Не услышал никто.
Был я не плох в труде,
Ел не задаром хлеб.
Осунулся, похудел,
Духом зато окреп!

Словно подводя черту под уходящей юностью и торопясь отдать ей дань, Рубцов пишет и публикует в тот свой последний заполярный год одни только стихи о море. Ракурсы разные — тралфлот, боевые корабли, дальние походы, ловля рыбы, учебные тревоги, — но везде море, море, море...

Близок день, штормовые качели
Испытают другого. А я
Получу обходной... Неужели
Тем и кончишься, юность моя?
Не представляю я, чтобы ушла ты,
За собой не оставив следа.
Как сейчас под матросским бушлатом,
Сердце, трепетно бейся всегда.

(«Юность»)

Он словно бы забыл о существовании иных тем, стремясь (прошу прощения за каламбур) исчерпать морскую тему до самого дна. Понимал, что истинное вдохновение дарит только реальная, зримая, воспринимаемая всеми чувствами окружающая обстановка. Из последующих воспоминаний, как бы остры и точны они ни были, настоящей, пронзительной искренности уже не выжмешь. На первый взгляд, этот объемный «морской» цикл напоминает топтание на месте. Да и если смотреть с точки зрения художественных достоинств, стихи, написанные Рубцовым на излете 50-х, не содержат ничего шедеврального. Недаром ни одно из них (по крайней мере, в первоначальном виде) не попало потом на страницы составленных им сборников и не вошло

в серьезные прижизненные подборки в крупных изданиях. Но стихи эти были важны не столько для Рубцова-поэта, сколько для Рубцова-человека. И здесь его можно понять.

Но вот — обходной получен, моряцкая юность осталась в прошлом, начался новый жизненный — и литературный — этап. Что касается промежуточных итогов... Нет, неправдой будет утверждение, что именно Заполярье сделало из Рубцова великого поэта. Оставим эту честь все же за ленинградско-московским периодом. Однако заполярная шестилетка не прошла бесследно — она стала воистину началом, истоком рубцовой поэзии, превратившейся со временем в полноводную реку.

Публикуется впервые.